

Научная статья
УДК 37.013
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-194-14-24

Оценка состояния сформированности антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции в образовательном процессе юридического вуза

Никита Андреевич ШТУКАРЕВ

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»
125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
shtukarev.nikita@mail.ru

Аннотация. Высокие показатели проявления коррупционного поведения в профессиональной деятельности работников правоохранительных органов являются результатом недостатков в их профессиональной подготовке. В рамках проведенного эмпирического исследования нами поставлена цель: оценить состояние сформированности антикоррупционной культуры будущих бакалавров юриспруденции в учебно-воспитательном процессе юридического вуза. Для реализации поставленной цели использованы две группы методов: эмпирические – анкетирование студентов юридических вузов и интерпретационный анализ полученного фактологического материала, и теоретические – аналитическое изучение научной литературы по проблеме исследования. Выявлены факторы, свидетельствующие о низком уровне сформированности антикоррупционной культуры в юридическом вузе: терминологическая редукция феномена коррупции и связанная с этим стереотипизация представлений студенчества о ней; недооценка культурных дескрипторов коррупционного поведения; фетишизация и абсолютизация уголовно-правовых способов противодействия коррупции. Сделан вывод о необходимости устранения в учебно-воспитательном процессе юридического вуза дисбаланса между отраслевыми (собственно юридическими) и философско-культурологическими дисциплинами, а также обеспечения вовлеченности студентов в организуемые юридическим вузом воспитательные антикоррупционные мероприятия.

Ключевые слова: антикоррупционная культура, состояние сформированности антикоррупционной культуры, образовательный процесс, бакалавр юриспруденции

Для цитирования: *Штукарев Н.А.* Оценка состояния сформированности антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции в образовательном процессе юридического вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 194. С. 14-24. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-194-14-24>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-194-14-24

Assessment of the development state of the anti-corruption culture of the future bachelor of law in the educational process of a law university

Nikita A. SHTUKAREV

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
shtukarev.nikita@mail.ru

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная
Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
© Штукарев Н.А., 2021

Abstract. High rates of manifestation of corrupt behaviour in the professional activities of law enforcement officials are the result of shortcomings in their professional education. Within the framework of the conducted empirical research, we set the goal: to assess the development state of the anti-corruption culture of future bachelors of law in the educational process of a law university. To achieve this goal, two groups of methods are used: empirical – a questionnaire survey of law students and an interpretive analysis of the obtained factual material, and theoretical – an analytical study of scientific literature on the research problem. The factors that indicate a low level of development of anti-corruption culture in a law university are revealed: terminological reduction of the phenomenon of corruption and the associated stereotyping of students' ideas about it; underestimation of cultural descriptors of corrupt behaviour; fetishization and absolutization of criminal law methods of opposition corruption. It is concluded that it is necessary to eliminate the imbalance between sectoral (actually law) and philosophical and cultural disciplines in the educational process of a law university, as well as to ensure the involvement of students in educational anti-corruption activities organized by a law university.

Keywords: anti-corruption culture, development state of anti-corruption culture, educational process, bachelor of law

For citation: Shtukarev N.A. Otsenka sostoyaniya sformirovannosti antikorrupsionnoy kul'tury budushchego bakalavra yurisprudentsii v obrazovatel'nom protsesse yuridicheskogo vuza [Assessment of the development state of the anti-corruption culture of the future bachelor of law in the educational process of a law university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 194, pp. 14-24. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-194-14-24> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В культурной матрице российского социума коррупция занимает, к сожалению, далеко не последнее место. В научной литературе констатируется, что «коррупция в общественном сознании становится обыденным явлением, носящим массовый, а главное, социально приемлемый характер» [1, с. 4], «выступает в виде культурной рамки,

определяющей свое воспроизводство» [2, с. 99], является социально-массовым феноменом [3, с. 11], а «коррупционные отношения стали нормой и даже необходимым элементом деловой и правовой культуры граждан» [4, с. 7]. Этот феномен метастазирует во всех сферах общественной жизни: здравоохранении, образовании, ЖКХ, политических институтах.

Коррупционному разложению и коррозии подверглась также и судебно-правоохранительная система, которая характеризуется высокими показателями коррупции. Как следует из доклада генпрокурора Российской Федерации, из 10879 должностных лиц, совершивших преступления коррупционной направленности, 17,4 % составили лица, занимавшие должности в правоохранительных органах¹.

Социологические данные подтверждают эту тенденцию. В проведенном социологическом исследовании ФОМ выявил отношение россиян к деятельности судов и судей: по мнению большинства опрошенных, работа судов и судей является неудовлетворительной. Одной из названных причин неудовлетворенности является коррупционная составляющая: «51 % респондентов считают, что большинство российских судей берут взятки»².

Очевидным проявлением кризиса правоохранительной системы являются так называемые «громкие дела», связанные с совершением коррупционных преступлений высокопоставленными лицами, занимающимися избирательной «апологией закона». В частности, в июне 2021 г. в результате операции, проведенной МВД и Росгвардией, задержаны более 35 сотрудников ГИБДД во главе с начальником Управления ГИБДД по Ставропольскому краю за получение взяток и организацию ОПС³.

Высокие показатели коррупции в правоохранительной системе свидетельствуют о серьезных недостатках в профессиональной

подготовке будущих юристов, опровергая традиционное представление о высококлассном юристе, представляющем собой синтез фундаментальных знаний о праве, его цивилизационном предназначении, с одной стороны, и *глубокой нравственной, гуманистической основе, выраженной в стремлении помочь человеку, защитить его конституционные права и свободы, с другой стороны.*

В связи с этим целесообразно дать оценку состоянию сформированности у современного бакалавра юриспруденции в учебно-воспитательном процессе юридического вуза антикоррупционной культуры, которая определяется нами как «совокупность ценностей, норм и правил поведения, обладающих антикоррупционным потенциалом и направленных на предупреждение практик коррупционного взаимодействия, усвоение которых связано с переориентацией личности на активное противодействие коррупции, а также практические умения и навыки действия в потенциально коррупциогенной ситуации» [5, с. 97].

Цель исследования: определить состояние сформированности антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции в учебно-воспитательном процессе юридического вуза.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использовались методы анализа и интерпретации эмпирических данных, а также изучение научной литературы по проблеме исследования. Полученная первичная социологическая информация подлежала обработке и обобщению. В целях получения эмпирических данных использовалась анкета, составленная для оперативного сбора фактологического материала посредством программного обеспечения Google Forms, предназначенного для администрирования опросов. Анкета, содержащая 18 вопросов, была разослана по электронной почте администрациям юридических вузов, в которых проводилось анкетирование. В анкету включены различные по содержанию вопросы:

¹ Неприкасаемых не будет: интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Российской газете от 08.12.2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/08/generalnyj-prokuror-igor-krasnov-o-novyh-sposobah-borby-s-korruptsiej.html> (дата обращения: 28.07.2021).

² Работа судей и судов: еженедельный Всерос. телефонный опрос. 7–9.08.2020 / Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/posts/14459> (дата обращения: 28.07.2021).

³ У подозреваемого во взятках главы ГИБДД Ставрополя нашли золотой унитаз / РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/07/2021/60f698dc9a7947e7d7dd4d0e> (дата обращения: 28.07.2021).

закрытые, требующие выбора варианта ответа из предложенного в списке, и открытые, позволяющие студенту самостоятельно сформулировать ответ на вопрос. Вопросы анкеты направлены на выявление оценки состояния сформированности когнитивных компонентов антикоррупционной культуры будущих бакалавров юриспруденции. Надежность опросника обеспечивается преамбулой, детально описывающей порядок анкетирования, а также четкой формулировкой вопросов, адресованных студентам. В анкетировании приняли участие 700 студентов. Анкетирование – анонимное. Опрос осуществлялся поэтапно на базе следующих образовательных организаций: Оренбургский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина, Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина, Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина, Оренбургский государственный университет.

Характеристика выборочной совокупности. Большинство опрошенных – студенты в возрасте от 18 до 21 года, что в абсолютном выражении составляет 553 человека (79 %). Форма обучения – очная. В силу специфики юридической профессии, в которой наблюдается гендерное превосходство женщин, среди опрошенных респондентов – 462 человека (66 %) женщин и 238 человек (34 %) мужчин. По курсам обучения респонденты распределились следующим образом: 1 курс – 123 человека (17,6 %), 2 курс – 113 человек (16,1 %), 3 курс – 265 человек (37,9 %), 4 курс – 199 человек (28,4 %). Как видно, большинство опрошенных – 464 человека (66,3 %) составляют студенты старших курсов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты проведенного анкетирования и анализ полученных данных позволили сделать некоторые существенные обобщения. На вопрос: «Какие ассоциации вызывает коррупция?» абсолютное большинство студентов – 355 человек (50,7 %) придерживаются позиции отождествления коррупции со взяточничеством, еще 128 опрошенных (18,3 %)

мнения «коррупция – это воровство», 42 человека (6,0 %) ассоциируют представление о коррупции с «несправедливостью», «обманом», «деньгами», «чиновником», «преступлением», «беззаконием» и другими категориями (табл. 1).

Отвечая на вопрос «Как вы относитесь к коррупции?», подавляющая часть студентов – 682 человека (97,4 %), осознает негативные последствия коррупции, и лишь 18 человек (2,6 %) оценивают ее как «скорее положительное» явление (табл. 2). Вместе с тем полагаем, что отрицательное отношение к коррупции большинства опрошенных требует более осторожной интерпретации, поскольку в этом случае мы имеем дело с ценностным противоречием между коллективным и индивидуальным, обнаруживаемым в российском социуме, проекцией которого является студенчество. Так, И.М. Кузнецов, анализируя «ценностный дрейф» российского общества от традиции к модерну, на основе эмпирических методов исследования установил различия в восприятии российскими гражданами терминальных и инструментальных ценностей, отмечая, что «...ценностные ориентиры абстрактного уровня, манифестирующие уважение к традиции вообще, приоритет моральных норм перед рациональными соображениями эффективности, все это присутствует в общественном сознании россиян преимущественно в качестве демонстрируемых символов включенности (маркеров) в российское историко-культурное сообщество» [6, с. 17]. В свою очередь, когда идет речь о реализации своего поведения в конкретной ситуации, наблюдается отступление от указанных традиционалистских императивов. Как итог, мы видим дуализм, двойственность сознания россиян, как общность – мы придерживаемся одних ценностей, а как конкретность – ценностей иного содержания. Если конкретизировать, то получается, что «общее отрицательное отношение к коррупции, сформированное и поддерживаемое гражданскими инициативами... не приводит к отказу от коррупции в той или иной жизненной ситуации, значимой для гражданина» [7, с. 55]. Поэтому негативное

отношение студентов к коррупции вовсе не гарантирует положительные результаты в плане минимизации коррупционного поведения в конкретной жизненной ситуации и не может свидетельствовать о сформированности антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции.

При этом большинство респондентов осознают причины, детерминирующие коррупционное поведение, называя коррупцию комплексным явлением – 486 человек (69,4 %),

предопределяемым экономическими, политическими, культурными, социально-психологическими причинами (табл. 3). В целях обеспечения валидности вопроса о детерминантах коррупции названные причины были конкретизированы. Например, культурные причины (национальные особенности, культурные обычаи и традиции, связанные с покровительством, обычаями дарения и подношения), и так для каждой группы причин.

Таблица 1

Какие ассоциации вызывает коррупция?

Table 1

What associations does corruption cause?

Какие ассоциации вызывает коррупция?	Ответы респондентов
Взятка	355 (50,7 %)
Воровство	128 (18,3 %)
Злоупотребление служебным положением	104 (14,9 %)
Продажность	71 (10,1 %)
Другие варианты ответа	42 (6,0 %)

Таблица 2

Отношение к коррупции

Table 2

Attitude towards corruption

Каково ваше отношение к коррупции?	Ответы респондентов
Отрицательное	549 (78,4 %)
Скорее отрицательное	133 (19,0 %)
Положительное	–
Скорее положительное	18 (2,6 %)

Таблица 3

Причины коррупции

Table 3

Causes of corruption

Каковы причины коррупции?	Ответы респондентов
Комплексное явление	486 (69,4 %)
Социально-психологические	99 (14,2 %)
Политические	57 (8,2 %)
Экономические	46 (6,5 %)
Культурные	12 (1,7 %)

Особый интерес в контексте определения оценки состояния сформированности антикоррупционной культуры будущих бакалавров юриспруденции представляют ответы респондентов на открытый вопрос: «Какие меры противодействия коррупции вам известны?». На основе частоты упоминания в ответах студентов тех или иных способов и мер противодействия коррупции полученные результаты были объединены в две группы – уголовно-правовые и социокультурные способы.

К уголовно-правовым способам противодействия коррупции были отнесены такие ответы респондентов, как «уголовная ответственность», «уголовное наказание», «уголовное преследование», «тюрьма», «контроль за расходами и доходами чиновников», «усиление контроля за деятельностью государственных служащих», «ужесточение антикоррупционного законодательства» и др.

В группу социокультурных способов противодействия коррупции были включены такие ответы, как «пропаганда морально-нравственных ценностей», «повышение самосознания и самоорганизации населения»,

«воспитание нетерпимости к коррупции», «развитие институтов общественного контроля», «повышение правовой культуры населения», «информационное оповещение населения о фактах коррупции».

Подавляющее большинство опрошенных студентов 603 человека (86,1 %) придерживаются мнения об уголовном преследовании как панацеи от этого социального недуга. В то же время о социокультурных способах противодействия коррупции осведомлены лишь 97 человек (13,9 %) опрошенных от общего числа участников анкетирования (табл. 4).

На вопрос «Какие антикоррупционные мероприятия проводятся в вашем вузе?» студенты ответили следующим образом: знает о проведении антикоррупционных мероприятий 581 студент (83 %) и 119 студентов (17 %) не осведомлены об этом. При этом в анкете предлагалось выбрать несколько вариантов ответа на вопрос об антикоррупционных мероприятиях, организуемых в вузе. Поэтому данные анкетирования приводятся в абсолютных числах (табл. 5).

Меры противодействия коррупции

Таблица 4

Anti-corruption measures

Table 4

Какие меры противодействия коррупции вам известны?	Ответы респондентов
Уголовное преследование	603 (86,1 %)
Социокультурные способы противодействия	97 (13,9 %)

Антикоррупционные мероприятия в вашем вузе

Таблица 5

Anti-corruption measures at your university

Table 5

Антикоррупционные мероприятия в юридическом вузе	Ответы респондентов (человек)
Изучение антикоррупционных дисциплин	266
Проведение конкурсов	227
Встречи с представителями правоохранительных органов	314
Тематические «круглые столы» и конференции	349

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ представленных в табл. 1–5 результатов анкетирования показал, что, с одной стороны, большинство студентов отрицательно относятся к коррупции, с другой стороны, у будущих бакалавров юриспруденции сложилось редуцированное представление о коррупции, поскольку этот феномен отождествляется преимущественно со взяточничеством. Другие формы коррупции, такие как кумовство, клиентализм, фаворитизм, лоббизм, nepotизм (скрытые формы коррупции) остаются на периферии представлений студентов, либо о них не знают совсем.

Определяя социальные представления о коррупции у студентов-юристов и студентов-психологов на основе частотности встречаемости слов-ассоциаций, В.С. Лукина и Т.Ф. Ларионова приходят к аналогичным выводам, отмечая, что «наиболее частыми словами-ассоциациями, связанными с коррупцией, у студентов обоих направлений являются «взятка» (48 %), «деньги» (45 %), «чиновник» (27 %)» [8, с. 149]. В исследовании Е.А. Петровой и Ю.В. Кейзеровой, направленном на выявление восприятия коррупции студентами юридического профиля подготовки, также был установлен факт отождествления значительной частью студентов термина «коррупция» со взяточничеством: «самым популярным ответом (26 %) стал ответ, что коррупция – это взяточничество, на 2-м и 3-м месте (по 18 %) – злоупотребление служебным положением и подкуп должностных лиц, политиков» [9, с. 55].

По нашему мнению, терминологическая редукция коррупции у студентов – будущих бакалавров юриспруденции обусловлена несколькими причинами. Во-первых, воздействием СМИ, которые освещают коррупционные кейсы, связанные со взяточничеством, формируя косвенным образом общественное мнение о коррупции как взятке. Во-вторых, законодательством о противодействии коррупции, которое определяет этот феномен через перечисление конкретных составов

преступлений (дача взятки, получения взятки и т. п.), по сути, отождествляя коррупцию с коррупционным преступлением. При этом остаются без внимания социальные, культурные, моральные, психологические грани коррупции, раскрывающие ее существо. Как отмечают М.В. Закирова и С.Г. Добротворская, системное представление о коррупции не исчерпывается ее пониманием как правонарушения, а обязательно включает ряд взаимодополняющих взглядов на коррупцию: «...как образ жизни людей, обладающих властью, который предполагает ряд традиционных действий (взяточничество, проявление своеволия, подбор «нужных» людей); ...как способ решения проблем в обход существующих законов и правил с использованием подкупа должностных лиц; ...как подход к людям, обладающим властью, связанный с демонстрацией им своего уважения и удовлетворения их потребностей» [10, с. 155].

Относительно детерминант коррупции, у студентов-юристов сформировалось представление о коррупции как комплексном феномене, что означает осведомленность большинства обучающихся юридических вузов о сложности данного конструкта. Между тем среди причин коррупции культуру назвали всего 12 человек (1,7 %) опрошенных, что может свидетельствовать о недостаточной информированности студентов о культурных основаниях коррупции, формирующейся в обществе коррупционной культуре, антикоррупционных антиценностях и требует обеспечения образовательного процесса юридического вуза гуманитарной составляющей через внедрение культурологических, философских дисциплин, а также дисциплин, акцентирующих внимание на этических коллизиях в профессиональной юридической деятельности.

В то же время в эмпирическом исследовании Е.А. Петровой и Ю.В. Кейзеровой в качестве возможных причин коррупции студенты назвали следующие: «недостаточно строгий контроль за действиями чиновников – 18 %; жажда наживы и алчность коррупционеров – 18 %; неэффективность наказания за

коррупционные поступки – 16 %; нестабильная экономическая ситуация – 13 %; отсутствие общественного контроля за подобными деяниями – 11,5 %; национальные традиции и менталитет – 10 %; несовершенство судебной системы – 7 %; возможность принятия единоличного решения должностным лицом – 3,5 %, низкая заработная плата чиновников – 3 %» [9, с. 56-57].

Как видно, национальные традиции и менталитет в качестве исходной предпосылки коррупции определяют 10 % студентов. Расхождение полученных нами результатов с результатами исследования, представленного выше, предполагаем, обусловлено формулировкой вопроса анкеты – мы формулировали вопрос абстрактно, с целью определить, какой отраслевой подход к выявлению сущности коррупции преобладает: экономический, социологический, психологический, культурный или междисциплинарный. Возможно, часть опрошенных, определивших коррупцию как комплексное явление, не отрицает наличия причинно-следственных связей между культурой и коррупцией.

Касаемо мер противодействия коррупции, то тенденциозность ответов респондентов объясняется, по нашему мнению, перегрузкой учебных планов отраслевыми (правовыми) дисциплинами, которые замыкаются на изучении политико-правовых способов (в том числе уголовно-правовых) и мер противодействия коррупции, рассматривая ее преимущественно как противоправное деяние, а не как культурно-социальный конструкт, имеющий глубокую этическую природу. В то время как теоретические исследования по философии и культурологии доказывают, что «коррупция является не только политико-правовой, экономической, социальной, но и культурогенной проблемой» [11, с. 448], а «коррупционное поведение во многом зависит от принятых норм и стандартов данного культурного сообщества...» [12, с. 93], что еще раз возвращает нас к проблеме корректировки учебных планов в сторону усиления гуманитарного учебного блока.

Не такими однозначными оказались результаты ответов респондентов на вопрос о

проводимых в их вузе антикоррупционных мероприятиях. Так, 17 % опрошенных студентов были не осведомлены об этом, что, в свою очередь, требует акцентуации на информировании студенчества о проводимых в вузе антикоррупционных мероприятиях.

К сожалению, не все вузы обеспечивают антикоррупционное информирование студентов. Исследуя содержание сайтов ведущих российских университетов (МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, Новосибирский государственный университет, НИИ «ВШЭ» МГТУ им. Н.Э. Баумана, Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт», МГИМО) с целью сравнения их внимания к антикоррупционным мерам, О.С. Дейнека, Л.Н. Духанина, Д.В. Крылова, А.А. Максименко пришли к выводам, что «у трех из семи ведущих университетов есть раздел, посвященный противодействию коррупции, в четырех есть план антикоррупционных мероприятий, и во всех вузах обозначена прозрачность процедур закупок и текстов квалификационных работ. Однако информация сайтов вышеуказанных университетов доступно не разъясняет, что является случаем коррупции, а что не является таковым» [13, с. 68].

Как мы видим, достаточно большой процент студентов остаются не вовлеченными в антикоррупционную деятельность посредством организуемых вузом воспитательных мероприятий, а значит, их понимание коррупции, вероятно, ограничивается обыденными и стереотипными представлениями, подрывающими их «этический иммунитет» (Н.В. Сюзева) к различным проявлениям коррупции.

ВЫВОДЫ

Таким образом, результаты проведенного нами эмпирического исследования позволяют сделать выводы о низком уровне сформированности антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции в образовательном процессе юридического вуза.

Конкретно это выражается в следующих позициях:

– редуционизм в понимании сущности коррупции, сводящий ее к взяточничеству и игнорирующий другие, более сложные формы коррупционных проявлений (лоббизм, фаворитизм, nepотизм, патернализм и т. п.);

– осознание большинством студентов комплексности феномена коррупции, с одной стороны, и недооценка культурных оснований коррупционного поведения, с другой стороны;

– ориентация студентов преимущественно на уголовно-правовые способы и меры противодействия коррупции, тогда как социокультурные, в том числе образовательно-просветительские меры профилактики коррупционного поведения остаются на периферии представлений студентов – будущих бакалавров юриспруденции;

– невовлеченность значительного числа студентов в воспитательные антикоррупционные мероприятия, организуемые в образовательном пространстве юридического вуза.

Между тем обнаруживается некоторое ограничение настоящего исследования, связанное со сложностью предмета исследования. Структурно антикоррупционная культура включает не только когнитивную компоненту, но и аксиологическую. Специфика вопросов анкеты относительно понимания коррупции, ее детерминант, отношения к ней, мер противодействия коррупции раскрывает только когнитивную составляющую. Будущие исследования в указанной области могут быть полезными для выявления уровня сформированности антикоррупционных ценностей, составляющих ядро антикоррупционной культуры.

Список литературы

1. *Меньшенина Н.Н., Бейдина Т.Е., Быстрянец С.Б. и др.* Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие / под общ. ред. Н.Н. Меньшениной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 202 с.
2. *Татарко А.Н., Миронова А.А.* Ценности и доверие как факторы отношения к коррупции // Психология в экономике и управлении. 2015. Т. 7. № 2. С. 96-110.
3. *Володин Н.А., Алехин Э.В.* Коррупция в России как социально-массовый феномен // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 2. С. 11-13.
4. *Днепров С.А., Никорьяк В.В.* Актуальный социальный опыт участия будущих правоведов в коррупционных отношениях // Образование и право. 2014. № 3-4. С. 7-14.
5. *Штукарев Н.А.* Опыт российских вузов в формировании антикоррупционной культуры бакалавра юриспруденции: проблемы и перспективы развития // Педагогика и психология образования. 2021. № 2. С. 92-113. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2021-2-92-113>
6. *Кузнецов И.М.* Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян // Вестник института социологии. 2017. Т. 8. № 3. С. 13-31. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.466>
7. *Абрамов Р.А., Соколов М.С.* Исследование эффективности противодействия и профилактики коррупции в российской сфере образования: теория, методология, практика. М.: РУСАЙНС, 2017. 100 с.
8. *Лукина В.С., Ларионова Т.Ф.* Социальные представления студентов о коррупции // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1. С. 147-154.
9. *Петрова Е.А., Кейзерова Ю.В.* Восприятие коррупции: социально-психологический аспект // Ученые записки российского государственного социального университета. 2017. № 3 (142). С. 50-59. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2017-16-3-50-59>
10. *Закирова Л.М., Добротворская С.Г.* Оценка склонности к риску лиц с коррупционным поведением // Образование и саморазвитие. 2012. № 4 (32). С. 154-160.
11. *Сюзева Н.В.* Предупреждение коррупции как социокультурная проблема // Science time. 2015. № 5 (17). С. 448-452.
12. *Горбова В.В.* Ментальные предпосылки коррупции // Аспирант. 2015. № 7. С. 92-95.

13. Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Крылова Д.В., Максименко А.А. Представления о коррупции в системе высшего образования у выпускников ведущих российских вузов // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 7. С. 64-74. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74>

References

1. Menshenina N.N., Beydina T.E., Bystryantsev S.B. et al. *Korruptsiya v Rossiyskoy Federatsii: genesis, formy, tekhnologii, protivodeystviye* [Corruption in the Russian Federation: Genesis, Forms, Technologies, Counteraction]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2014, 202 p. (In Russian).
2. Tatarko A.N., Mironova A.A. Tsennosti i doveriye kak faktory otnosheniya k korruptsii [Values and trust as factors of attitude toward corruption]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii – Psychology in Economics and Management*, 2015, vol. 7, no 2, pp. 96-110. (In Russian).
3. Volodin N.A., Alekhin E.V. Korruptsiya v Rossii kak sotsial'no-massovyy fenomen [Corruption in Russia as a mass social phenomenon]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2016, no. 2, pp. 11-13. (In Russian).
4. Dneprov S.A., Nikoryak V.V. Aktual'nyy sotsial'nyy opyt uchastiya budushchikh pravovedov v korruptsionnykh otnosheniyakh [Actual social experience of participation of the future jurists in the corruption relations]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2014, no. 3-4, pp. 7-14. (In Russian).
5. Shtukarev N.A. Opyt rossiyskikh vuzov v formirovanii antikorrupsionnoy kul'tury bakalavra yurisprudent-sii: problemy i perspektivy razvitiya [Experience of Russian universities in the formation of anti-corruption culture of a bachelor of law: Problems and prospects for development]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya – Pedagogy and Psychology of Education*, 2021, no 2. pp. 92-113. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2021-2-92-113>. (In Russian).
6. Kuznetsov I.M. Tsennostnye markery kul'turno-istoricheskoy identichnosti rossiyan [The value markers of Russians' cultural and historical identity]. *Vestnik instituta sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 13-31. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.466>. (In Russian).
7. Abramov R.A., Sokolov M.S. *Issledovaniye effektivnosti protivodeystviya i profilaktiki korruptsii v rossiyskoy sfere obrazovaniya: teoriya, metodologiya, praktika* [Research of the Countering Corruption in the Russian Education: Theory, Methodology, Practice]. Moscow, RUSCIENCE Publ., 2017, 100 p. (In Russian).
8. Lukina V.S., Larionova T.F. Sotsial'nye predstavleniya studentov o korruptsii [Social perceptions of students about corruption]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology*, 2017, no 1, pp. 147-154. (In Russian).
9. Petrova E.A., Keyzerova Y.V. Vospriyatie korruptsii: sotsial'no-psikhologicheskiiy aspekt [Perception of corruption: the socio-psychological aspect]. *Uchenyye zapiski rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta – Scientific Notes of the Russian State University*, 2017, no 3 (142), pp. 50-59. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2017-16-3-50-59>. (In Russian).
10. Zakirova L.M., Dobrotvorskaya S.G. Otsenka sklonnosti k risku lits s korruptsionnym povedeniyem [Assessment of risk inclusion of persons with corrupt behaviour]. *Obrazovaniye i samorazvitiye* [Education and Self-Development], 2012, no. 4, (32). pp. 154-160. (In Russian).
11. Syuzeva N.V. Preduprezhdenie korruptsii kak sotsiokul'turnaya problema [Corruption prevention as a sociocultural problem]. *Science Time*, 2015, no. 5 (17), pp. 448-452. (In Russian).
12. Gorbova V.V. Mental'nye predposylki korruptsii [Mental background of corruption]. *Aspirant* [Post-Graduate Student], 2015, no. 7, pp. 92-95. (In Russian).
13. Deyneka O.S., Dukhanina L.N., Krylova D.V., Maksimenko A.A. Predstavleniya o korruptsii v sisteme vysshego obrazovaniya u vypusknikov vedushchikh rossiyskikh vuzov [Perceptions of Corruption in Higher Education among alumni of the leading Russian universities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2020, vol. 29, no. 7, pp. 64-74. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74>. (In Russian).

Информация об авторе

Штукарев Никита Андреевич, преподаватель отделения непрерывного и дополнительного образования, Оренбургский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, Российская Федерация, shtukarev.nikita@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6535-0341>

Статья поступила в редакцию 13.08.2021
Одобрена после рецензирования 10.09.2021
Принята к публикации 08.10.2021

Information about the author

Nikita A. Shtukarev, Lecturer of Continuing and Additional Education Department, Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg, Russian Federation, shtukarev.nikita@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6535-0341>

The article was submitted 13.08.2021
Approved after reviewing 10.09.2021
Accepted for publication 08.10.2021